

Апология Іоанна Грознаго*).

На-дняхъ въ Русскомъ собраніи членъ археологическаго института М. Н. Дитрихъ прочиталъ лекцію о первомъ царѣ, Иванѣ Грозномъ.

Лекторъ пытается возстановить образъ Іоанна изъ окружавшей его среды и вывести его изъ того чада клеветы и злобы, которыми окутали его враги. Еще въ 1711 г. вышла въ Вѣнѣ книга, „Apologia pro Ioanne Basilide Magno Duce Moscoviae“, въ которой говорилось, что Іоаннъ былъ жертвою клеветы Курбскаго, что строгость его не есть тиранство, что такихъ необузданныхъ подданныхъ, какими были тогда Русскіе, слѣдовало держать въ страхъ казнями, чтобы царь могъ властвовать безопасно... Эту мысль и развиваетъ лекторъ, причемъ сравниваетъ Ивана Грознаго съ Петромъ Великимъ. Оба были завоеватели, оба законодатели, и оба реформаторы; только одинъ націоналистъ—другой западникъ. Но какъ первому всю жизнь не счастливилось и не посчастливилось и послѣ смерти,—такъ Петру всю жизнь везло, и исторія простила ему его жестокость.

Лекторъ пробуетъ разгадать необузданный характеръ Іоанна, эти странные переходы отъ покаянія и молитвы къ казнямъ и оргіямъ. Съ двухъ лѣтъ безъ отца, съ восьми лѣтъ безъ матери (притомъ имъ не занимавшейся) ребенокъ выросъ среди пренебреженій и униженій, среди ужасовъ боярскаго самоуправства, и тутъ среди необузданнаго произвола и вакханаліи дикихъ страстей, когда каждый добравшійся до власти бояринъ спѣшилъ смести всѣхъ мѣшавшихъ ему, когда казни и тайныя и явныя убійства и отравленія были обычнымъ дѣломъ и постоянными спутниками власти. И среди картинъ этой дикой эпохи встаетъ образъ необыкновеннаго, впечатлительнаго, богато одареннаго мальчика, который задумываетъ водворить порядокъ. Не Адашевъ и Сильвестръ, о которыхъ лекторъ весьма невысокаго мнѣнія и которые измѣнили Іоанну, митрополитъ Іоасафъ имѣлъ, по всей вѣроятности, благотворное вліяніе на Іоанна, и въ кельѣ Чудова монастыря Іоаннъ задумалъ свои широкія начинанія—идеи, о единствѣ сплоченности и силѣ государства, терзаемаго боярами и удѣльнымъ строемъ. Говоря о

*) Перепечатывается изъ Новаго Времени (29 Марта 1910 г.), гдѣ статья появилась подъ заглавіемъ „Первый Русскій Царь“. П. Б.

казняхъ и жестокости, надо вспомнить, что не лучше было и позже, при Петрѣ: таковъ былъ вѣкъ звѣрскихъ нравовъ. Развѣ Людовикъ XI въ просвѣщенной Франціи не ставилъ въ то время дѣтей подѣ эшафотъ ихъ казнимаго отца? Погибали иногда невинные; но разбитому душой, измученному, истерзанному человѣку среди постоянной измѣны, доносовъ, клеветы, тайныхъ убійствъ всегда ли можно было разобраться? А высокій умъ, образованность Іоанна засвидѣтельствовали и Іезуиты Поссевино. Три дня Поссевино сражался съ царемъ въ торжественномъ диспутѣ о вѣрѣ—и русскій царь, вооруженный только силою своего необычайнаго ума, разбилъ Іезуита на всѣхъ пунктахъ. Іоаннъ началъ собою новую эру въ Россіи. Если бы не онъ, Богъ знаетъ, какъ бы справилась Россія съ хаосомъ и злобой удѣльнаго порядка. И сердце народное поняло Іоанна лучше историковъ. Пѣсня народная не обошла его молчаніемъ, какъ другихъ: въ пѣснѣ народной—онъ частый герой, въ пѣснѣ народной живетъ его образъ. „И грозный царь Иванъ Васильевичъ, закончилъ лекторъ, всегда останется великимъ могучимъ и славнымъ героемъ народнымъ, первымъ царемъ его“.

*

Кажется, никто изъ занимавшихся исторіею и личностію Іоанна Грознаго не придавалъ должнаго значенія его физическому происхожденію: Рюриковичъ по дѣду, Литвинъ по матери и Грекъ по своей бабушкѣ онъ сложился подѣ воздействием своего тройнаго кровнаго происхожденія. Онъ же сознательный, явный свидѣтель того, какъ сильна была тогда вѣра въ святыню Православія. У Карамзина рассказано, что когда онъ стоялъ подѣ Ревелемъ (въ уцѣлѣвшихъ стѣнахъ котораго доселѣ красуются каменные его ядра), захотѣлось ему побесѣдовать съ проповѣдникомъ новаго исповѣданія. Ревельскіе храмы были передъ тѣмъ не за долго лишены святыхъ иконъ, имущество и земли католическаго духовенства захвачены баронами. По приглашенію Іоанна пріѣхалъ къ нему Лютеранскій пасторъ, и онъ сталъ его разспрашивать. Сначала бесѣда шла мирно, но когда пасторъ неосторожно произнесъ: „Апостолъ Павелъ и Мартинъ Лютеръ“, слова эти возмутили Русскаго Государя, и онъ воскликнулъ: „Какъ! Рядомъ Святаго апостола и пьянаго разстригу монаха!“ и прогналъ отъ себя проповѣдника.—Позднѣе, въ его борьбѣ съ Баторіемъ, Поссевино предлагалъ ему примирительное посредничество подѣ условіемъ признать папскую власть. „Да вѣдь папа волкъ“, отозвался Грозный и на выраженное Поссевиномъ изумленіе замѣтилъ: „онъ души крадетъ“. Пьянымъ Витенбергскимъ мужикомъ называла Лютера и Екатерина Великая въ письмахъ къ Гримму.

Удивительно, какъ до сихъ поръ никто не займется собраніемъ въ одну книгу сочиненій Іоанна Грознаго. П. Б.

